

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

А. Д. МИХАЙЛОВ

ПОЭТИКА ПРУСТА

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА
2012

УДК 811.161.1
ББК 83.3(0)5
М 69

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 12-04-16227

Издание подготовлено Т. М. Николаевой

Михайлов А. Д.

М 69 Поэтика Пруста / Изд. подгот. Т. М. Николаевой. — М.: Языки славянской культуры, 2012. — 504 с., ил. — (Вклейка после с. 112, 224.)

ISBN 978-5-9551-0610-6

При, казалось бы, гигантской исследовательской, биографической, философской литературе, посвященной великому роману Марселя Пруста, работ о его поэтике существует не так много. Тема эта и сложна и не разработана методически. Член-корреспондент А. Д. Михайлов пошел по пути «расщепления» общей проблемы по отдельным ветвям. Итак, он анализирует ситуации как отдельные единицы общей структуры, отдельным является и сюжет. Особо представляются читателю основные персонажи романа и гипотезы об их прототипах.

Нетривиальной для прустоведения является также и твердая установка А. Д. Михайлова обильно иллюстрировать свою книгу картинками, рисунками, набросками второстепенных и даже третьестепенных художников прустовской поры. Он долго собирал, искал и находил, бродя вдоль набережной Сены, именно такие иллюстрации, считая, что они лучше передают эпоху, а «великие французы» перетягивали бы внимание читателей на себя.

В книге представлены Приложения. Это статьи, посвященные Марселю Прусту и его ближайшим французским поэтам и драматургам, современникам Пруста. Автор выявляет причины, по которым имя раннего героя — Жан Сантей. Он пишет о роли писем в жизни Пруста, показывает серьезность и глубину протеста Пруста против метода Сент-Бёва. Герои «Поисков утраченного времени» предстают то вереницей портретов эпохи, то, напротив, А. Д. Михайлов старается проникнуть в самые глубины души его любимых персонажей.

В конце книги представлены «черновые» записи А. Михайлова, не всегда легко поддающиеся расшифровке, но зато демонстрирующие безупречный и изящный перфекционизм этого тонкого литературоведа.

ББК 83.3

*В оформлении переплета использована картина
Дж. Болдини «Прогулка в Булонском лесу» (1909 г.)*

ISBN 978-5-9551-0610-6

© А. Д. Михайлов, 2012

© Языки славянской культуры, 2012

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Глава первая. Вводная</i>	5
<i>Глава вторая. Русская судьба Пруста</i>	31
<i>Глава третья. Сюжет</i>	83
<i>Глава четвертая. Структура повествования</i>	105
<i>Глава пятая. Персонажи и ситуации</i>	187
1. Персонажи	187
2. Имена	191
3. Ситуации	233

Приложение

Предисловие (Т. М. Николаева)	257
Письма Пруста	267
Почему Жан Сантей? (Об имени главного героя первого романа Марселя Пруста)	270
Марсель Пруст накануне «Поисков утраченного времени»: «Против Сент-Бёва»	276
Обретение Пруста	292
«В поисках утраченного времени»: персонажи	299
Еще кое-что о персонажах «В поисках утраченного времени»	314
Шесть воплощений Шарля Сванна	332
В центре повествования («У Германтов»)	344
В поисках утраченных рукописей	351
Поэтический театр Мориса Метерлинка	355
Эдмон Ростан — современник Пруста	387
Пьер Луис и фривольный роман на грани столетий	404
Марсель Пруст и Виктор Гюго	417
Марсель Пруст читает сказки «Тысячи и одной ночи»	444
Пруст. Последовательные заметки А. Д. Михайлова (факсимильное издание)	455

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВВОДНАЯ

1

Писательская и человеческая судьба Марселя Пруста настолько своеобразна, неповторима, причудлива, парадоксальна и по-своему исключительна, что она в значительно большей мере, чем судьба многих других мастеров слова, наложила отпечаток на все его произведения. Не зная многих жизненных обстоятельств, с которыми был вынужден сталкиваться Пруст (либо сам себя в них «загонял»), трудно понять его творчество, поэтику его книг, то есть их структуру, наполняющих их персонажей, приемы и методы работы писателя, его творческую «кухню». В его жизни немало загадок, темных мест, невыясненных ситуаций, в связи с этим — и много легенд, иногда самых фантастических, которые лишь постепенно обнаруживают свой истинный смысл. Конечно, не какие-то тайны жизни Пруста привлекали к его книгам читателей и исследователей, а как раз неповторимая грандиозность его постройки, заключенная в ней широта и тонкость взгляда на мир, на человеческие отношения, на природу, на искусство, наконец. Личностным началом пронизано все его творение.

Недаром писателя постоянно «уличали» в чрезмерном автобиографизме и нередко видели в его главной книге — «В поисках утраченного времени» — своеобразные мемуары, несколько сумбурные, далеко не всегда достоверные и подчас изрядно скучные. Между тем Пруст мемуаров не писал и неизменно настаивал на этом — в статьях, интервью, письмах, когда ему это приписывали. И вместе с тем его книга очень автобиографична, но автобиографична очень по-своему, и, наверное, не в большей степени, чем произведения Стендаля или Мериме.

Давно уже, по крайней мере к середине XX века, Пруст занял место одного из самых крупных писателей XX столетия, а среди французских писателей — бесспорно самого крупного. Здесь он обогнал всех своих именитых современников — и Эмиля Золя, и Анатоля Франса, и Мориса Барреса, и Ромена Роллана, и Поля Клоделя, и

Андре Жида, и Поля Валери. Обогнал и по числу посвященных ему разнообразнейших исследований, каждый год выходящих десятками, и по количеству переизданий — от массовых, «карманных», до роскошных библиофильских или, напротив, внешне строгих и скромных, но научнейших. Пруст обогнал своих писателей-современников по количеству посвященных ему научных обществ, специализированных периодических изданий, выставок, конференций, симпозиумов и т. п. А ведь при

его появлении в литературной жизни эпохи, вернее, где-то около нее, этой жизни, в лучшем случае на литературной периферии, ничто таких последствий не обещало.

Неизменно растущий читательский интерес, конечно же, оправдан. И, пожалуй, в самой незначительной степени связан с биографией писателя. «Романизованных биографий» о нем создано не было, хотя о нем и написал мастер этого жанра Андре Моруа (1948); его книга «В поисках Марселя Пруста» — это увлекательное исследование, но никак не роман. Вопреки все еще высказываемому иногда мнению, главная книга Пруста попросту интересна; она интересна переполняющими ее наблюдениями, мыслями, заметками, сформулированными подчас парадоксально, но неизменно точно, глубоко и даже афористично, но интересна эта книга и чисто событийно: ее сюжет многолинеен, ветвист, разворачивается то стремительно, то невероятно медленно (к досаде нетерпеливого читателя), но всегда поступательно и логично.

Интересен, конечно, и сам механизм построения прустовской книги. Как любой великий писатель, Пруст дает богатейший материал для всяческих историко-литературных и теоретических обобщений и выводов; но творчество его столь многообразно и многосмысленно, что представляет интерес не только для литературоведов, вообще филоло-

гов, но также для философов (и им они занимаются особенно охотно), для психологов, отчасти медиков, для искусствоведов, культурологов, историков общественной мысли, нравов и быта.

Нельзя не заметить, что книги Пруста не хуже, чем чьи бы то ни было еще, отражают эпоху, причем в большом и малом, — время гигантских сдвигов и переломов, культурного, социального, политического, то есть период перехода от «прекрасной эпохи» «конца века» к эпохе — в самом широком смысле слова — империализма с его войнами, переделом мира и всплесками революций. Эта быстрая смена эпох привела к причудливому сосуществованию старого и нового, давно укоренившегося, привычного и самого современного, кажущегося диковинным и опасным; достаточно сказать, что сам Пруст и его герои то нанимают фиакр, то садятся в такси, то зажигают по вечерам свечи и керосиновые лампы, а то включают газ или же электричество, то они растапливают камин, то поворачивают вентиль у калорифера. Они носят цилиндры и кепки, фраки и спортивные куртки. Их дамы проезжают на лошадях в изящных амазонках или лихо проносятся по тем же аллеям Булонского леса на велосипеде. Пруст и его герои то отправляют записки с посыльным, шлют «пневматички», а то звонят по телефону.

Это — на уровне быта. Но примерно такая же чересполосица происходит и в литературе, в искусстве. Как и во всякую переходную эпоху, во времена Пруста всевозможных направлений, тенденций, традиций становится невообразимо много; они сосуществуют, соседствуют, сталкиваются, ведут борьбу, не замечают друг друга, переплетаются, взаимодействуют. Импрессионизм, символизм, неоромантизм, неоклассицизм, старый приземленный реализм, натурализм, кубизм, сюрреализм — все они выдвигают ярких самобытных представителей. Без ощущения и осознания этого рубежа эпох Пруста нелегко понять. Он жил в это время, впитывал новые веяния, цеплялся за старые, и все это в той или иной мере входило в его поэтику.

От богатейшего многовекового опыта французской литературы Пруст, в отличие от некоторых своих современников, не отмахивался; напротив, он постоянно продумывал и как бы прорабатывал опыт предшественников, вот откуда в его книгах и прямые ссылки, и многочисленные цитаты, и также не менее многочисленные цитаты, источники которых не всегда удается определить, даже подчас цитаты и ссылки

подсознательные, ненамеренные; отсюда же и «пастиши», то есть умелые и ироничные стилизации, чем Пруст любил забавляться, но источники которых выявлены далеко не всегда.

Весь предшествующий опыт, хотя бы в области литературы, у Пруста не просто присутствует, он активно входит в его художественный мир, в поэтику его книг, он осмысливается, классифицируется, подытоживается; можно сказать, что Пруст как писатель — завершающее звено определенной эволюции, не только ее блестящий итог, но и своеобразный символ.

Впрочем, сам Пруст вряд ли ощущал себя наследником своих великих литературных предков, на такое он не решался претендовать. К тому же из богатого прошлого французской литературы он брал далеко не все. Его привязанности и увлечения важны, красноречивы и в общем-то понятны.

Его пристрастия и антипатии, его предпочтения и отталкивания — в значительно большей мере, чем у кого-либо из других великих писателей Франции, были маркированы и складывались в очень стройную и гармоничную систему, лишенную, впрочем, навязчивого схематизма. Он находил в прошлом прежде всего то, что могло помочь ему решать поставленные перед собой задачи. Если Средние века обратили на себя его внимание как замечательная эпоха архитектуры, то ее литературные достижения Прустом в должной мере оценены не были. Точно также — литература Ренессанса. А вот следующее столетие, которое обычно называют во Франции «великим веком», — как раз наоборот. Там Пруста притягивало многое. Он отдавал должное величавому гению Корнеля, хорошо знал и любил мудрый юмор Мольера и Лафонтена, но его любимцами и эстетическими ориентирами стали г-жа де Севинье, Ларошфуко, Лабрюйер и, прежде всего, Расин, то есть те, у кого чувство меры, приверженность канону все время вступали в противоречие с вдохновением, с божественным порывом, те, кто столь внимательно и трепетно относился к глубокой и ломкой человеческой душе и поэтому так основательно прорабатывал вопросы морали. Это может показаться парадоксом: писатель-новатор, прокладывавший в литературе новые пути, не просто тяготел к опыту достаточно далекого прошлого, но брал его за образец. В этом — одна из существенных особенностей поэтики Пруста: его проза тяготеет не просто к классической, а даже «классицистической» ясности и строгости, чувству меры, согласованности частей.

Это же он находил и у великого мемуариста Сен-Симона, который стал для писателя величественным (и увлекательнейшим!) итогом XVII века, хотя и дожил до середины следующего. Нетрудно догадаться, что эпоха Просвещения, богатая, живая, пестрая, красочная, язвительная, остроумная и лукавая, но насквозь и так по-разному идеологизированная, осталась для него почти чужой. Даже тонкая диалектика души и пафос саморазоблачения Руссо его не увлекли. А что же мощный и обильный XIX век? Пруст внимательно прочитал Ламартина и Гюго (впрочем, их тогда непременно читали в лицеях и гимназиях), хорошо знал Мюссе и Виньи, одно время увлекался некоторыми книгами Жорж Санд. Но никакого интереса к представителям «неистового романтизма» — Жюлью Жанену, Эжену Сю, Фредерику Сулье, хотя и их молодой Пруст, скорее всего, читал. Лучше перечислим тех, кто стал для него особенно интересен, поучителен и попросту дорог. Но каждый, конечно, по-своему. Это Шатобриан (особенно как автор «Замогильных записок»), Жерар де Нerval, Бодлер, Барве д'Оревиля, несколько меньше — Мериме и особенно Стендаль. (Отметим такой примечательный факт: во всех своих произведениях Пруст лишь однажды упоминает книгу Стендаля «О любви», без которой, казалось бы, ему трудно было бы обойтись.) Прусту был, конечно, близок Флобер (но не как мастер стиля) и в очень сложном притяжении-отталкивании — Бальзак. В поэтической концепции Пруста автор «Человеческой комедии» занимает особое место, поэтому скажем о нем особо.

Бальзак для Пруста в литературе — фигура ключевая. Казалось бы, почти писатель-ремесленник, постоянно торопившийся, чтобы успеть выправить гранки к поставленному издателем сроку, создатель всех этих многочисленных романов и повестей не знал подлинного вдохновения, и божественный глагол никогда не касался его слуха. В действительности это было не так, совсем не так, и Пруст это понял. Для него Бальзак являлся своеобразным творцом собственного вымышленного мира, очень похожего на мир реальный, но объективно ему противостоящий. У него все было поставлено с ног на голову, реальность мерилась вымыслом, а не наоборот. «Для Бальзака, — заметил как-то Пруст, — не было деления на жизнь реальную (ту, что, на наш взгляд, таковой не является) и романную (единственно подлинную для писателя). Рассуждения о выгоде женитьбы на г-же Ганской в письмах сестре не только построены как в романе, но и характеры описываемых людей

там заданы, проанализированы, определены в качестве факторов, проливающих свет на действие»¹.

Но всеохватность романов Бальзака, по мнению Пруста, заключается еще и в том, что помимо жизни духа, рождающей красоту, они несли в себе еще и немалую полезную информацию. «Поскольку, — писал Пруст, — романы Бальзака относятся к определенной эпохе, показывают нам ее внешнюю обветшалость, с большим умом судят о ее сущности, то, когда интерес к самому роману исчерпан, роман начинает новую жизнь в качестве исторического документа, как те части “Энеиды”, что ничего не говорят поэтам, но вдохновляют специалистов по мифологии»².

Пруст учился у Бальзака, в частности, создавать вымышленный мир, стоящий вне и над миром обыденным, учился подмечать яркие и характерные черты мира повседневного, где тоже находилось место поэзии. Вот почему Бальзак для Пруста — постоянный камертон, который никогда не сфальшивит. И вот что интересно: любовью к Бальзаку, глубоким знанием его творчества Пруст наделяет прежде всего своих персонажей из кругов аристократии (как бы сам он к этим персонажам ни относился) — Шарлюса, герцога Германтского, принца Германтского и т. д. Дело в том, что Пруст обнаружил у Бальзака умение находить красоту, одухотворенность у представителей аристократии и в то же время видеть их же уродство, бездуховность; мир этой аристократии складывался под пером Бальзака из мелких, пестрых, подчас незначительных осколков и превращался в объемную и необычайно поэтичную, красочную, но и страшную своим цинизмом и жестокостью картину. Пожалуй, именно Бальзак и Пруст, как никто другой, высказали немало верных, тонких, восторженных и беспощадных суждений о представителях аристократии самого разного толка. Здесь не было никакого «бальзаковского парадокса», о котором так любят писать иные литературоведы и критики; были большие мастера слова, которые не могли идти против правды жизни, которые раскрывали эту правду не вопреки своим пристрастиям и иллюзиям, а следуя анали-

¹ Proust M. Contre Sainte-Beuve précédé de Pastiches et mélanges et suivi de Essais et articles. Edition établie par P. Clarac avec la collaboration d'J. Sandre. Paris, 1971. P. 266.

² Ibid. P. 290.